

М. А. ПЕРЕПЕЛКИН

*(Самарский национальный исследовательский университет имени академика
С. П. Королёва, Самара, Россия)*

ORCID ID: 0000-0002-6102-6947

УДК 821.161.1-31(Толстой А. Н.)

DOI 10.26170/ufv19-05-08

ББК Ш33(Рос=Рус)6-8,444

ЧЕХОВСКИЙ КОД В «ХОЖДЕНИИ ПО МУКАМ» А. Н. ТОЛСТОГО¹

Аннотация. В статье рассматриваются «чеховский код» и его значение в трилогии А. Н. Толстого «Хождение по мукам». Для этого, прежде всего, изучается семейная переписка будущего писателя с родителями – А. Л. Толстой и А. А. Бостромом, самарская периодика 1890–1900-х гг., и анализируется формирование «чеховского мифа» в окружении юного Толстого и в сознании юноши. Далее автор статьи обращается к решению следующих вопросов: в чём именно может быть увидено присутствие «чеховского кода» на страницах трилогии, почему было так важно присутствие Чехова на страницах трилогии, и зачем Толстому потребовался «чеховский код» в «Хождении по мукам». Отвечая на эти вопросы, автор статьи анализирует поэтику трилогии, выявляет и рассматривает «чеховские приметы» в ней, учитывает отклики первых зрителей чеховских «Трёх сестёр» на спектакль и в результате – реконструирует ту биографическую и историческую ситуацию, осмысление которой стало одним из первых импульсов к созданию Толстым трилогии «Хождение по мукам».

Ключевые слова: А. Н. Толстой; «Хождение по мукам»; А. П. Чехов; «Три сестры»; Самара; Петербург; код; «спорные вопросы».

Уже само название романа А. Н. Толстого – «Сёстры» – заставляет вспомнить о чеховских «Трёх сёстрах», пьесе, написанной в 1900-м и опубликованной в 1901 году и ставшей таким образом своего рода эпилогом к прошедшему и прологом к наступившему столетию. Но дело, разумеется, не в названии, во всяком случае – не в нём одном. Название лишь обозначило присутствие в «Сёстрах» и в целом в «Хождении по мукам» присутствие чеховского кода, выступающего, как мы полагаем, в качестве одного из наиболее значимых для самого автора трилогии для трактовки описываемых на её страницах событий и характеров задействованных в этих событиях героев.

Итак, обо всём по порядку.

9 октября 1901 года отчим Толстого А. А. Бостром в письме из

¹ Статья подготовлена при поддержке гранта РФФИ 18-412-630003.

Самары в Петербург сообщил пасынку следующее: «Дорогой Лешура, давно я тебе не писал. Это потому, что жизнь моя очень мелочная, но заботливая. Устаёшь от ней каждый день, а писать нечего, интересы слишком мелкие. Раз один был в театре. Театральный сезон обещает быть хорошим. Труппа богаче прошлогодней и числом, а, в общем, пожалуй, и качеством. Правда, такой артистки, как Азагарова, нет, зато нет и полных бездарностей, как Боярский, Лазарев и др<угие>. Шла комедия “Иванов” Чехова с значительной переделкой самим Галицким. Переделка, бесспорно, к лучшему, т<ак> к<ак> пьеса производит впечатление. Галицкий чуть ли не ещё лучше играет, чем раньше» [ОР ИМЛИ, 6327/3]. А примерно полгода спустя, весной 1902-го, уже Алексей Толстой дал знать родителям в Самару: «Юля (Рожанская – М. П.) видела “Три сестры” Чехова и говорила, что их нельзя читать – скучны, но на сцене М.Х.Т. они прямо великолепны. Это конёк художественной труппы» [Алексей Толстой 1982: 223].

И снова – слово А. А. Бострому. 16 февраля 1903 года, из Петербурга в Самару жене, А. Л. Толстой: «Сашунчик, дорогой, были мы с Лелюшей вчера в театре на “Чайке”. Ведь хороша вещь. Совсем иное впечатление, чем при прочтении или представлении в Самаре. Как бы хотелось видеть другие вещи в этом роде, вообще новый реализм Чехова и Горького. Ведь, в самом деле, новый сорт реализма, новая форма увлечения зрителя, перенесения его на сцену. Лёля ужасно доволен. Кроме прелести вещи, ему, видимо приятно было видеть моё увлечение. В этом некоторая победа нового над старым. Он говорит: “Юлю ужасно трудно растрогать, т<о> е<сть>, чтобы вещь ей понравилась. Но, когда она видела “Три сестры”, то три дня ходила как в тумане. Первый раз в жизни она увидела сцену, захватившую её так, как живая жизнь”» [ОР ИМЛИ, 6330/92].

Май того же года, А. Н. Толстой – родителям, из Петербурга в Самару: «...Вот ведь какой я свинья, после письма о Чехове я хотел написать в следующую субботу о Горьком. Но отложил, пот<ому> что в воскресенье пошёл на чеховское утро. А после утра хроническое откладывал до сего б<-го> мая. А чеховское утро было очень симпатичное утро: артисты Станиславского читали по ролям по акту из “Дяди Вани”, “Чайки” и “Трёх сестёр”. И, признаюсь, что даже в чтении “Три сестры” мне понравились больше, чем “Дядя Ваня”, и, конечно, чем александровская “Чайка”. Эта пьеса ещё глубже и драматичнее, и живее» [Алексей Толстой 1982: 230]¹.

¹ По словам А. М. Крюковой, «“письмо о Чехове” не сохранилось, однако о его содержании можно судить по небольшой заметке Толстого, написанной тогда же. С 7 по 23

Октябрь 1904-го, А. Л. Толстая – в Петербурге, А. А. Бостром пишет ей из Самары: «Был я в театре, брал ложу для Мар<ии> Михайловны с чадами. Надо было отплатить за несколько наших с Шурой обедов, когда у нас не было кухарки. Было очень оживленно. Давали “Вишнёвый сад”. По-моему, смотрел с удовольствием. Хорошо было смотреть на Мар<ию> Мих<айловну>. Она первый раз в нынешнем году в театре, да ещё при её экстенсивности вообще, она отдавалась пьесе вся, она и слёзы лила, и восторгалась. Очень ей Инсарова понравилась, и новая манера, чеховская, – пьесы. С моей точки зрения, Инсарова не соответствовала этой роли, но всё же играла прекрасно, – хорош был её брат Рассудов, но другие плохи. Особенно моя квартирантка бывшая. О, как я рад, что она больше не моя квартирантка» [СЛМ, КП-406].

Ну, и последнее. 29 декабря 1906 года, А. Н. Толстой – отчиму, из Петербурга – в Самару: «Завтра иду на “Три сестры”, о которых напишу подробнее, т<ак> к<ак> это наш спорный вопрос» [Переписка 1989: 123].

Приведённые фрагменты из писем юного (29 декабря 1906 года ему исполнилось 24 года) Толстого родителям и родителей – Толстому убеждают в том, что на протяжении по крайней мере пяти лет имя Чехова и разговор о его пьесах был одним из постоянных в этой переписке, во всяком случае – постоянным в тех случаях, когда эта переписка начинала касаться вопросов искусства, литературы и театра. Именно Чехов как никакой другой автор интересовал и двадцатилетнего юношу Толстого, видевшего в нём «победу нового над старым», и его родителей, стремившихся – насколько это было в их силах – стать причастными этому трудному для них новому. «Спорный вопрос» о Чехове и чеховских «Трёх сёстрах» и был, судя по всему, тем контрапунктом, который сближал Толстого с родителями и отдалял его от них в одно и то же время, и в поисках ответа на этот вопрос он адресовал свои послания матери и отчиму, а они ему, Лёле, с обеих сторон надеясь на то, что этот ответ поможет им понять друг друга и сохранить это взаимопонимание на годы вперёд.

Но, если говорить о Чехове и о поднятых им «спорных вопросах», перед которыми в течение нескольких лет стояли Толстой и его родители, следует сказать о том, что впервые эти вопросы встали перед ними не в 1901 году, а несколько раньше – по меньшей мере, ещё во второй половине 1890-х гг. и произошло это следующим образом.

апреля 1903 г. в Петербурге проходили гастроли МХТ; Толстому довелось побывать “на представлении двух пьес труппой Станиславского: “Дядя Ваня” Чехова и “На дне” Горького. <...> Теперь у нас два больших художника – Чехов и Горький – работают в этом направлении. Первый показывает безнадежно отчаянные картины обыкновенной жизни и ставит “аминь” над смыслом этой жизни. Второй показывает свежие растения, красоту и силу в новой незнакомой среде» [Переписка 1989: 111].

В декабре 1897 года на страницах «Самарской газеты», с которой уже несколько лет сотрудничала публиковавшая в ней свои рассказы А. Л. Толстая, увидела свет большая критическая статья А. А. Смирнова «Театр душ (“Чайка”, комедия в 4-х действиях)». Статья, как следовало из первого её абзаца, была написана как отклик на недавнюю постановку «Чайки» на сцене Самарского городского театра. Подробно разобрав содержание пьесы и характер её конфликта, А. А. Смирнов констатировал отсутствие в ней внешнего действия и внешних эффектов: «Оставляя в стороне вопрос о том, насколько это хорошо или дурно, я отмечу лишь то обстоятельство, что сказанная особенность произведения г. Чехова есть результат очевидной преднамеренности автора, который центр тяжести в своей драме, стремился перенести с внешности внутрь, с поступков и событий внешней жизни во внутренний психический мир выводимых им лиц». Подобный конфликт, по словам автора статьи, и вызванные им особенности пьесы «являются новинкою в нашей драматургии, но на Западе уже давно нашли выражение во многих известных произведениях и имеют своих теоретиков с крупными литературными именами», среди которых – английский писатель Р. Броунинг, «которого на родине считают Шекспиром нового времени» [Смирнов 2006: 142]. Дальнейший анализ пьесы осуществляется А. А. Смирновым под углом зрения следования Чеховым этой, броунинговской, традиции, существо которой виделось критику в следующем: «И в самом деле, произведения Броунинга есть – “театр душ”, добрых и порочных, восторженных и разочарованных, с самыми противоположными взглядами на истину, с различными стремлениями, слабостями и минутами торжества, – но все в своем разнообразии бесконечные проявления одной и той же идеи, освещающей для поэта смысл бытия и дающей ему веру в будущность человечества. Идею эту можно формулировать следующим образом: смысл жизни – в стремлении, в усилии человека постичь и воплотить истину, которую ему подсказывает внутреннее чутье. Достигает ли он цели или падает на пути с разбитыми надеждами – это уже детали, результат исторических или других причин, неверное понимание задачи и т.п. Важно то, что он стремился и доказал это своим падением». Следствием этой концепции жизни является, по мнению А. А. Смирнова, и особенный склад конфликта у английского драматурга: «Понятно, что при таком взгляде на сущность человеческой жизни, как на проблему чисто духовного свойства, Броунинг не мог уделить видного места в своих драматических поэмах их внешнему движению» [Там же: 143]. Такого «броунинговского» мировоззрения придерживается, по мнению критика, и автор «Чайки», полагающий, что «в этом движении – весь залог того, что мировая жизнь никогда не замрет под

холодным дыханием “отца матери – дьявола”; в нем же смысл отдельных человеческих жизней и высшее оправдание их. Пусть человек падает на пути, заблуждается, даже порою творит пустое или злое, если он показывает искреннее желание приблизиться к идеальной цели, жив будет он и жива душа его! Ошибки, падения, слабости и грехи неизбежно связаны с процессом движения: не будет первых – замрет последнее, и застывший мир погрузится “в спасительный мрак”» [Там же: 149].

Статья А. А. Смирнова, повторяем, увидела свет на страницах «Самарской газеты» в декабре 1897 года, когда пятнадцатилетний Толстой жил с матерью в Сызрани и учился в 4 классе Сызранского реального училища. Был ли он знаком с этой статьёй – неизвестно, как неизвестно и то, видел ли он или кто-либо из его близких поставленную в Самарском театре чеховскую «Чайку». Тем не менее, можно смело утверждать, что отзыв и того, и другого не остался неизвестным Толстому, и произошло это следующим образом. Написав статью о «Чайке», А. А. Смирнов – известный в Самаре нотариус, общественный деятель, гласный думы и поэт, публиковавшийся под псевдонимом «Аргунин», превратился в «Треплева», как будут отныне подписываться его многочисленные публикации, выходявшие на страницах той же «Самарской газеты» и других, в том числе – центральных, изданий, а также – отдельными книгами, среди которых книги о Горьком, Фете, символистах и другие. В том, что родители Толстого и он сам были знакомы и с самим Смирновым-Треплевым, и – с его публикациями, сомневаться не приходится, – слишком много этому подтверждений. Следовательно, не приходится сомневаться и в том, что «чеховский» псевдоним Треплева был одним из тех обстоятельств, которые лишний раз актуализировали присутствие Чехова в сфере размышлений юного Толстого о мире и окружающих его людях.

Были в окружении Толстого в самарский период его жизни и другие люди и события, актуализировавшие имя Чехова как автора тех самых, терзавших юношу и других его современников, «спорных вопросов». Одним из этих людей была поэтесса Е. А. Буланина, так же, как и А. А. Смирнов (Треплев) и мать А. Н. Толстого – А. Л. Толстая, сотрудничавшая с «Самарской газетой» и публиковавшая на её страницах свои стихи и переводы, а в 1901 году выпустившая поэтический сборник «Раздумье», куда вошло и стихотворение «Под впечатлением “Чайки” Чехова» [Буланина 1901: 75–76], получившее широкую известность и на несколько десятков лет пережившее своего автора¹.

¹ Отголоском популярности буланинской «Чайки» можно считать её многочисленные переложения, среди которых была, например, «Чайка военная», получившая широкое

Не мог не знать Толстой и об имевшем место эпизоде, связанном с помощью Чехова голодающим крестьянам Самарской губернии. В 1898 году вследствие засухи и неурожая в Поволжье в Самарской губернии начался голод. Служивший в это время секретарём в Самарской губернской земской управе известный публицист и исследователь раскола А. С. Пругавин создал благотворительный кружок помощи обездоленным и через столичные газеты обратился к «русскому обществу» с призывом помочь голодающим. Узнав таким образом о самарской беде, Чехов написал Пругавину и предложил свою помощь, для чего привлёк к этому делу многих своих знакомых и с осени 1898-го до осени 1899 года, не уставая, собирал пожертвования в пользу голодающих крестьян, аккуратно высылая в Самару собранные им деньги. С этой же целью в газете «Крымский курьер» им были опубликованы несколько заметок о голодающих и о деятельности самарского благотворительного кружка, а в письмах Пругавину в Самару Чехов «ухитрялся сообщать множество разных сведений и подробностей <...> о ходе сборов его в пользу голодающих самарцев и о спектаклях и концертах, которые устраивались в Ялте с этой же целью, конечно, главным образом под его влиянием»¹. Несмотря на то, что эти письма были опубликованы более десяти лет спустя после всех событий, есть все основания предположить, что родителям Толстого, знавшим и А. С. Пругавина, и других членов благотворительного кружка, и участвовавшим в эти годы в общественной жизни Самары, а следовательно, – и Толстому тоже, было известно об этой помощи Чехова самарским крестьянам. Таким образом, этот эпизод может быть сочтён ещё одним вкладом в «чеховскую копилку» самарских впечатлений будущего автора «Хождений по мукам».

На, разумеется, главным из этих вкладов были театральные впечатлениями юного Толстого, полученные им самим, либо – его близкими, и среди этих впечатлений, как мы уже видели из приведённых

распространение среди солдат в годы Первой мировой войны. См. об этом в нашей статье: [Перепелкин 2015].

¹ См.: [Шестаков 1989]. О помощи Чехова голодающим самарцам А. С. Пругавин рассказал в воспоминаниях, опубликованных в газете «Речь» уже после смерти писателя, в 1910 году, сообщив, между прочим, что в ответ на его просьбу опубликовать некоторые из его писем в Самару Чехов ответил ему категорическим отказом, мотивировав это тем, что публикация этих писем связала бы его на будущее время: «Потом, когда бы я писал письма, я был бы уже не свободен, так как мне всё казалось бы, что я пишу для печати» (Цит. по: [Шестаков 1989]. См. об этом эпизоде также: [Старочкин, Николаев 1954; Клёсов 1954; Андреев 1960; Соболев 1970]. В Отделе редкой книги Самарской областной универсальной научной библиотеки хранится альбом, который называется «А. П. Чехов и Самара (Материалы об участии А. П. Чехова в организации помощи голодающим)» (ОРК СОУНБ-306736).

фрагментов семейной переписки, не последнее место принадлежит самарской театральной сцене. Как нам удалось выяснить, самарский зритель познакомился с творчеством Чехова не позже осени 1889 года, когда «труппою русских драматических артистов под управлением П. М. Медведева» в городском театре была поставлена чеховская пьеса «Иванов». Как сообщали афиши, «пьеса эта имела выдающийся успех на сценах московских и петербургских театров», а в пятницу, 13 октября 1889 года, она «будет в первый раз представлена» на самарской сцене¹. В мае 1895 года «товарищество русско-малорусских артистов под управлением А. К. Саксаганского» представило самарцам чеховскую же «шутку в одном действии “Предложение”»². 8 октября 1904 года в городском театре «дирекции Н. Д. Кручинина» была «во второй раз представлена пьеса репертуара московского художественного театра “Вишнёвый сад”» [Самарская газета. – 1904. – 8 октября. – № 219. – С. 1]. В дальнейшем все названные пьесы неоднократно повторялись по несколько раз за сезон, а кроме того к ним добавлялись и другие. Так, в сезоне 1910-11 гг. на сцене самарского театра дважды была поставлена пьеса «Дядя Ваня», причём средства от одного из спектаклей пошли в пользу семьи трагически погибшего артиста В. Мамонтова³, В январе 1912 года «драматическая труппа под управлением В. Образцова» представила пьесу «Три сестры»; пьеса была поставлена режиссёром К. Т. Бережным и шла в его бенефис [Самарская газета для всех. – 1912. – 28/10 января. – № 23. – С. 1]. Таким образом, самарский зритель, так или иначе, был знаком почти со всем чеховским репертуаром и мог судить о нём не понаслышке, а с опорой на собственные впечатления, отзвуки которых должны были достигать Толстого, интересовавшегося театром и даже делавшего в годы обучения в Самарском реальном училище первые робкие шаги на театральной сцене.

Наконец, ещё одной заметной страницей в самарской «чеховиане» стали события, связанные с кончиной писателя и посвящёнными ему памятным мероприятиями. Остановимся на этой странице несколько подробнее.

6 июля 1904 года на страницах «Самарской газеты» были помещены сразу несколько материалов, связанных с кончиной писателя, – перепечатанный из «Русских ведомостей» некролог, стихотворение самарского поэта Ф. Гуськова «Памяти А. П. Чехова» и две заметки – Молота и В. Ангарского – «Маленький венок» и «У свежей могилы».

¹ См. списки афиш самарского театра в архиве П. Деева: [СЛИМ, КП-1228].

² Там же.

³ Там же.

Здесь же было помещено приглашение на панихиду по писателе, намеченную на утро 6 июля: «Сегодня в 10 ½ часов утра в кафедральном соборе будет отслужена панихида по скончавшемся писателе Антоне Павловиче Чехове. Редакция “Самарской газеты” приглашает почитателей Антона Павловича Чехова почтить своим присутствием панихиду» [Самарская газета. – 1904. – 6 июля. – № 145. – С. 2]. На следующий день эта же газета поместила краткую заметку о состоявшейся «в присутствии небольшого кружка почитателей А. П. Чехова и редакции “Самарской газеты”» панихиде, отслуженной о. В. Лаврским [Самарская газета. – 1904. – 7 июля. – № 146. – С. 2]. А ещё день спустя газета разразилась большим фельетоном Молота, опубликованном в его цикле «Искры» и озаглавленном «Панихида». «“Панихида...”». Так назывался первый рассказ А. П. Чехова, напечатанный в “Новом времени” 15 февраля 18 года. “Панихида...”. Так называется и наш рассказ, но уже о А. П. Чехове, – так начинается фельетон Молота. – Рассказ этот навеян самарской жизнью. Место действия – кафедральный собор. Герой – самарская публика: несколько представителей газеты, два-три чиновника, один случайно зашедший гимназист, две бабы, несколько дам, какой-то деревенский мужик и околоточный надзиратель, – вот все, кто явился на панихиду по писателе, которого при жизни так любила наша провинция и которой он отдал все силы и чувства. А что же средняя школа и её представители, молодёжь? Молодёжь, произносящая в Татьянин день такие пылкие речи, отсутствовала на панихиде по А. П. Чехове. Да и присутствующая публика чувствовала себя неловко. Она как бы недоумевала: “Зачем она идёт и о каком это “рабе Божьем”, которого называли то Алексеем, то Николаевичем, – идёт речь?”. Все чего-то ждали... “Вечная память!” – пронеслись в воздухе последние слова священника. И часть публики направилась к выходу. Другая часть всё ещё не шевелилась. Все ещё ждали. Чего? Этого они не знали. Но всем было тяжело, грустно. Все испытывали чувство неудовлетворённости, и на тех немногих лицах, которые присутствовали на панихиде, читалось: “Не то всё это... Не то...”. Не то, чего заслужил великий писатель. Чего можно было ожидать от такого города, как Самара. И странное явление: почти безошибочно можно сказать, что такая картина наблюдалась в этот день и в других городах нашей провинции. То же безразличие. То же безлюдье» [Самарская газета. – 1904. – 8 июля. - № 147. – С. 3].

«Безразличие и безлюдье», насторожившие фельетониста, безусловно, характеризовали провинциальные и, в частности, самарские нравы, но только отчасти. С другой же стороны, отсутствие большого количества присутствующих на панихиде, и в том числе – учащейся

молодёжи, объяснялось временем года и тем, что многие находились в эти июльские дни в отъезде – на дачах, в путешествиях, на море и т.д. Таким образом, нельзя не признать и того, что фельетонист несколько сгустил краски, обвинив самарцев в безразличии. Кстати, уже через два дня после описанной Молотом малолюдной панихиды, 9 июля, в том же самом кафедральном соборе была отслужена ещё одна панихида о покойном писателе, устроенная по инициативе правления Самарского общества поощрения образования, на которой присутствовали как члены этого общества, так и другие самарцы [Самарская газета. – 1904. – 7 июля. – № 146. – С. 1]. Тем не менее, нельзя не признать правоты фельетониста в брошенном им «не то всё это, не то». Почувствовали это и самарцы, в октябре того же года собравшиеся на заседание семейно-педагогического кружка, состоявшееся в здании биржи под председательством члена общества Е. Бужковой. Отметим, что это было самое первое заседание кружка, который в будущем ещё сыграет свою довольно заметную роль в истории самарской общественной жизни. В программе заседания значились несколько вопросов, среди которых было чтение реферата А. А. Смирнова «Русская печаль» (о Некрасове, его поэзии и её воспитательном значении), а также его же, Смирнова, выступление «Памяти А. П. Чехова» [Самарская газета. – 1904. – 8 октября. – № 219. – С. 2; Самарская газета. – 1904. – 9 октября. – № 220. – С. 3]. «Публики было много, – писала на этот раз “Самарская газета”, – и заседание прошло оживлённо» [Самарская газета. – 1904. – 12 октября. – № 222. – С. 3]. В находящемся в фондах Самарского литературного музея архиве артистки З. М. Славяновой нам также удалось обнаружить фрагмент афиши Литературного утренника памяти А. П. Чехова, устроенного Самарским обществом любителей литературы и изящных искусств в городском театре 21 октября <?> года для учащихся средних учебных заведений. В программе утренника, как заявлялось в афишах, значился реферат З. М. Славяновой-Смирновой на тему «Основные черты творчества Чехова», туманные картины, сцена из «Дяди Вани» в исполнении артистов городского театра Морозовой, Сониной, Зиновьева, Смирнова и других, чтение миниатюры «Хирургия» и пение.

Таким образом, есть основания думать, что, «проштрафившись» в июле, самарцы вполне реабилитировались в октябре, вернув себе право называться просвещёнными гражданами своей страны и своего города. Правда, для нас в данном случае интереснее и важнее другое, а именно – знал ли А. Н. Толстой о происходящем в Самаре и, если знал, то в какой степени все эти события воздействовали на него, как воспринимались и т.д. Однозначного ответа на этот вопрос нет,

так как ни летние панихиды, ни осенние заседания и утренники не получили отражения в семейной переписке Толстых. Но, учитывая тот интерес, который проявляли родители Толстого к общественной и литературной жизни Самары, а также – частые приезды матери будущего писателя А. Л. Толстой в этот период в Петербург, мы имеем право предположить, что Толстой был в курсе описанных выше событий, отзывавшихся в его душе так, как они и должны были отозваться в душе любого пылкого юноши, вчерашнего провинциала, а ныне – студента столичного вуза и знатока и поклонника новейших течений в искусстве. Был ли Толстой раздражён инертностью самарцев, не пожелавших посетить панихиды в память великого писателя? Разумеется, был, и, вполне вероятно, именно это раздражение скажется позже в следующей нелестной характеристике, данной Толстым городу своей юности: «Люди спивались и свинели в этом страшном, пыльном, некрасивом городе, окруженном мещанскими слободами» [Алексей Толстой 1982: 24–25]. Был ли он рад тому, что, собравшись с мыслями и «одумавшись», его земляки сказали-таки Чехову своё «спасибо»? Вне всяких сомнений: да, и, может статься, что в некоторой степени именно этим и было продиктовано решение вывести некоторых из них, в частности – «красу и гордость самарской интеллигенции» А. А. Смирнова (Треплева), в качестве героев на страницах трилогии «Хождение по мукам».

Переходим к «чеховскому коду» в трилогии А. Н. Толстого.

Во-первых, в чём именно, по нашему мнению, может быть увидено его присутствие на страницах трилогии? Явных примет этого кода не очень много, но зато те, что имеются, отличаются ярко выраженным характером. Именно такой приметой является, как уже было сказано выше, само название первой части трилогии – романа «Сёстры»: нет надобности доказывать, что для читателей и зрителей, выросших на чеховских «Трёх сёстрах» и искавших как в этой, так и в других чеховских пьесах ответы на стоявшие перед ними «спорные вопросы», связь «Сестёр» с «Тремя сёстрами» была очевидной. Но дело – далеко не только в названии, но и в стоящей за этим чеховским названием сюжетной ситуации, разумеется, не буквально, но всё же – узнаваемо воспроизведённой Толстым в его романе. Ситуация эта следующая: родные сёстры, одна из которых, старшая, замужем, а другая, младшая, ещё только робко приоткрывает для себя страницы новой, взрослой, жизни (так – у Толстого; у Чехова же, как мы помним, сестёр три плюс брат, «редуцированный» Толстым вместе с одной из сестёр «за ненадобностью» в его сюжете), «полу» (так у Толстого, а у Че-

хова – «полностью») осиротели: матери всех пяти сестёр (двух «толстовских» и трёх «чеховских») скончались некоторое время назад, отцы же – либо умерли недавно (у Чехова), либо – ещё живы и здравствуют (у Толстого), но прежний, родительский и их детский мир, в обоих случаях остался в прошлом и вот-вот рухнет на глазах у читателя. Любопытно, что, даже изображая это неминуемое разрушение семейного родительского очага, Толстой пользуется «чеховскими» приёмами и образами: дом, в котором живёт доктор Булавин, перевёрнут вверх дном, а на столе перед самим доктором (кстати, не Чехову ли обязан доктор Булавин своим родом деятельности? – полагаем, что и ему тоже) стоит самовар, – не тот ли самый, что получила в день именин от Чебутыкина Ирина, незамедлительно отреагировавшая на этот подарок репликой: «Самовар! Это ужасно!». Почему ужасно? Всё просто: потому что этот самовар самым бесстыдным образом «разоблачает» сестёр, давно ставших посторонними друг другу, не слышащих и не говорящих друг с другом. Но и этого Толстому показалось мало, и он решил усилить ещё «чеховское звучание» в трилогии, дав одному из второстепенных героев третьей книги трилогии фамилию... Чебутыкин («И, наконец, в одном из коридоров на Катю наскочил плотный, чрезвычайно суетливый человек с большими губами и в парусиновой толстовке, прозеленевшей под мышками. – Вы актриса? Мне на вас только что указали, – торопливо заговорил он и, не обращая внимания на ответ Кати, что она учительница, обнял её за плечи и повёл по коридору. – Я вас включаю в летучку, поедете на фронт в отдельном вагоне, по выезде из Москвы – хлеб не ограничен, сахар и лучшее сливочное масло... Репертуар – а! С вашей-то фигуркой – спели, протанцевали, красноармейцы будут хлопать... Я послал на фронт профессора Чебутыкина, ему шестьдесят лет, он химик или астроном, – я знаю? так он называется теперь “король летучки”, – поёт куплеты из Беранже... Можете меня не благодарить, я чистый энтузиаст...») [Толстой 1984: 339]). Итак, чеховские приметы в толстовском «Хождении» есть, и их – не одна и не две, а гораздо больше, но, в конечном счёте, дело, разумеется, не в приметах, или, во всяком случае, – не только в них. Дело – в том, «почему» и «зачем» эти приметы Толстому, и вот эти-то «почему» и «зачем» – интересующие нас «вторых» и «в-третьих».

Итак, во-вторых, – почему Толстому было так важно присутствие Чехова на страницах трилогии? Из сказанного выше становится ясно, что Чеховым так или иначе были окрашены все или почти все локации, некогда игравшие какую-то важную роль в жизни и в сознании молодого Толстого. Именно такой локацией была Самара – город юности, ставший

также городом первых чеховских театральных и читательских впечатлений. Такой локацией был Петербург, где – помимо прочего – Толстой впервые увидел спектакли по чеховским пьесам на большой театральной сцене («Чайку» в постановке Александринского театра в феврале 1903 года, «Три сестры» в постановке гастролировавшего в конце 1906 года в Петербурге Московского художественного театра, и другие). Такой локацией была и Москва, в которой сам Толстой сначала бывал эпизодически, а впоследствии неоднократно жил, бродя по тем самым московским бульварам и улочкам, куда так рвались, но так и не сумели вырваться чеховские героини. Но помимо локаций Чеховым были так или иначе «окрашены» и все близкие юному Толстому люди – первая жена, напомним, первой посмотревшая чеховских «Трёх сестёр» и поделившаяся с Толстым своими впечатлениями об увиденном, и родители, с которыми будущий писатель обсуждал чеховские спектакли, а также – бывал на некоторых из них.

Здесь имеет смысл сделать ещё одну небольшую оговорку. Осенью 1905 года, остановившись на некоторое время в Москве, А. Л. Толстая познакомилась с некой Чеховой, упоминания о которой содержатся в трёх её письмах этого периода к А. А. Бострому в Самаре. Так, в письме от 6 октября она писала следующее: «... вечером постараюсь записать докладец, если Чехова скажет, что это желательно» [ОР ИМЛИ, 6311/144]. В другом письме, написанном днём позже, она же сообщила: «Была у Чеховой. Симпатичная, славная женщина, но не знаю, посмотрю ещё. Ужасно не похожа на тип общественного деятеля. Вся такая мягкая и добрая. Говорит – наше дело ещё в зародыше, всё в будущем. Пригласила меня сегодня в заседание бюро перед съездом <...> К Чеховой ездила на конке, а Сытин очень близко от неё, только через площадь. Собрание не у Чеховой. От неё узнала адрес женского народного клуба графини Бобринской» [ОР ИМЛИ, 6311/139]. Наконец, собираясь уезжать из Москвы, в письме от 19–22 октября она, рассказывая о предотъездных сборах, заметила: «Зашла к Чеховой проститься <...> Чехова мне сказала, что пострадал Ал. Сем. Медведев, спасавший от огня и черни служащих женщин (речь идёт о революционных беспорядках в Твери – М. П.)» [ОР ИМЛИ, 6311/141].

О какой Чеховой здесь идёт речь? С этим вопросом мы обратились к ведущему научному сотруднику ИМЛИ РАН Г. Н. Воронцовой, возглавляющей научную группу, работающую над подготовкой Собрания сочинений А. Н. Толстого. По мнению Г. Н. Воронцовой, речь в данном случае могла идти сразу о двух Чеховых – невестках А. П. Чехова – Софье Владимировне и Ольге Германовне. С. В. Чехова (урождённая Андреева) (1872–1949) была женой И. П. Чехова, О. Г. Чехова (урождённая Влады-

кина) (1871–1950) – женой его брата М. П. Чехова. Однако, скорее всего, как полагает Г. Н. Воронцова, А. Л. Толстая пишет о первой из них – Софье Владимировне, то есть – жене Ивана Павловича Чехова. Это предположение кажется нам также наиболее вероятным: известно, что и она сама, и её муж И. П. Чехов были педагогами, а Иван Павлович – ещё и гласным Московской городской думы, занимались общественной деятельностью, живо интересуясь новыми педагогическими идеями. Учитывая, что и А. Л. Толстая в это время участвовала в деятельности Самарского семейно-педагогического кружка и интересовалась педагогическими вопросами и проблемами, логично будет предположить, что именно этот её интерес и сблизил её с женой брата писателя и драматурга.

Окончив Нижегородский Мариинский институт благородных девиц, С. В. Чехова через два года поступила учительницей в Петровско-Басманное училище в Москве, где и познакомилась с будущим мужем. 9 июля 1893 года они сыграли свадьбу, а год спустя у них родился сын, чья жизнь трагически оборвалась в юности. Тогда же, в 1893 году, накануне свадьбы с И. П. Чеховым, Софья Владимировна познакомилась с А. П. Чеховым, часто бывавшим и останавливавшимся у них на казённой квартире в Москве, интересовавшимся их педагогической деятельностью и относившимся, по её словам к ней, «с неизменной теплотой» [Воспоминания]. Как пишет о ней публикатор её воспоминаний Г. Шалюгин, «Софья Владимировна учительствовала всю жизнь и, судя по отзывам, была прекрасным педагогом. Она скончалась в 1949 году, пережив Ивана Павловича на 28 лет. Незадолго до смерти ее парализовало, но, утратив подвижность, она сохранила прекрасную память. С. М. Чехов записал ее воспоминания об Антоне Павловиче, содержащие ряд интересных подробностей о личности писателя, о жизни чеховской семьи в Мелихове» [Шалюгин].

Знал ли об этом знакомстве матери А. Н. Толстой? Скорее всего, знал: мать и сын много и активно общались в эти годы – и в письмах, и лично, и уж, конечно, мать не могла не рассказать юноше, интересующемуся литературой, театром и чеховской драматургией, о своём знакомстве с близкой родственницей писателя и драматурга, знавшей его на протяжении десяти с лишним лет. Таким образом, образ матери был не просто «окрашен» для Толстого чеховскими красками, но эти краски были далеко не блёклыми, а сочными и яркими.

Наконец, в значительной степени Чеховым была «окрашена» и собственная юность Толстого, прошедшая под знаком сформулированных автором «Трёх сестёр» и других пьес и рассказов «спорных вопросов». Полагаем, что именно с этими «спорными вопросами» и связано более всего интересующее нас «зачем».

Что касается «спорных вопросов», то их, как, наверное, и в жизни каждого молодого человека, было достаточно и в жизни юного А. Н. Толстого тоже, и о некоторых из них последний не раз и не два говорил со своим отчимом А. А. Бостромом. Отголоски этих – крайне непростых для них обоих – разговоров сохранились в частности в письмах, которыми отчим и его пасынок обменивались в период студенчества последнего и последовавшие за студенчеством годы. Не последнее место среди этих непростых тем принадлежит, в частности, дискутировавшимся в семье взрослеющего Толстого вопросам об отношении его новых родственников – родителей жены Ю. В. Рожанской и его самого к матери и отчиму: ситуация здесь осложнялась тем, что последние жили в незаконном браке, так как при разводе с мужем, графом Н. А. Толстым, мать будущего писателя была наказана «всегдашним безбрачием»; но если демократический в своей основе круг А. А. Бострома и А. Л. Толстой смотрел на эту ситуацию снисходительно, то близкие Ю. В. Рожанской, да и она сама, относились к этому иначе и, как считал А. А. Бостром, тем самым оказывали влияние на его пасынка, который заражался от них пренебрежительным отношением к своим родителям. К этому присоединилось и то обстоятельство, что, став студентом, А. Н. Толстой почти одновременно с этим получил наконец-то графский титул, став «его сиятельством» и таким образом выбившись из той демократической среды, в которой прошло его детство, в среду иную – аристократическую. Несмотря на уверения юноши, что он ничуть не изменился, отчим, видимо, чувствовал или воображал себе иное, и эти его ощущения также находили себе место в дискуссиях между ним и А. Н. Толстым. Наконец, став студентом столичного вуза, что открыло ему дорогу в столичные же театры, клубы, литературные и другие общества, А. Н. Толстой в очень короткий период перестал быть тем прежним Лёлей, к которому привыкли его родители и, в частности, с ранней юности живший в провинции и мыслявший её категориями А. А. Бостром. В этот период у Толстого стремительно расширяется круг знакомств, меняются общественные и эстетические взгляды, формируется новое, не всегда понятное провинциальному «либералу и наследнику “шестидесятников”» Бострому, мировоззрение, оформляются другие взгляды на жизнь, задачи искусства, настоящее, прошлое и будущее страны. Временами, сочувствуя этим взглядам и относясь с пониманием к взрослению пасынка, Бостром начинал горячо спорить с ним, отстаивая собственную правоту и пытаясь убедить юношу в несостоятельности его позиций и взглядов. Всё это в целом и составляло совокупность тех самых «спорных вопросов», о которых идёт речь в

письме А. Н. Толстого к отчиму от декабря 1906 года. Решить же эти «спорные вопросы» означало для них обоих, и в первую очередь – для Толстого, найти собственное место в жизни, обрести такую позицию, которая, с одной стороны, позволила бы сохранить почтительно-дружеские отношения с человеком, вырастившим его и любившим как родного сына, но с другой – не принести в жертву этим отношениям те новые ценности, которые он обрёл теперь, в своей самостоятельной жизни и в своих собственных размышлениях и поисках. К решению этих вопросов, как мы видели из того же декабрьского письма 1906 года, и приближали юного Толстого чеховские «Три сестры».

В таком случае уместно будет поставить вопрос: о чём рассказала Толстому эта чеховская пьеса? Обратимся за помощью для ответа на этот вопрос к современникам юного Толстого, так же, как и он, увидевшим эту пьесу на сценах московских и петербургских театров в начале 1900-х гг.

Вот, например, как отреагировал на постановку «Трёх сестёр» труппой московского Художественного театра в Петербурге журнал «Театр и искусство»: «Какие же мотивы повседневного бытия ближе сердцу Чехова? Что всего ярче выступает в его драматических произведениях? Как ни притягательны по своей силе разные “вопросы”, но художников пера по-прежнему более всего клонит к изображению той чародейки, которая навсегда останется повелительницей мира. Любовь! Она, она всё двигает, всё окрашивает то в розовый, то серый, то чёрный цвет <...> Артиллерийский генерал заучил своих детей – и сына, и девочек, трёх сестричек. После смерти генерала, по признанию Андрея, с него точно тягость педагогической опеки свалилась, и он в год растолстел и обленился. Этот-то педагогический контроль, вероятно, и не позволил “трём сёстрам” вовремя влюбиться. Вряд ли при жизни отца у них было так непринуждённо весело и шумно, как это представлено на сцене в первом акте. Средняя сестра, “менее умная”, видимо по недоразумению вышла замуж за добродушного, но недалёкого, совсем-таки ограниченного учителя. С годами сёстры стали разборчивы, но цель жизни осталась всё-таки любовь. Найти бы только суженого!.. Старшая сестра старается сказать нравоучение в заключение; но это ли ей надо? Нет! Она жаждет любви и любви. И у военного доктора-старика, и у батарейного командира, и у барона Тузенбаха, и у Солёного, и у Маши, у педагога, и у Андрея и даже у пошлой Наташи и закулисного её обожателя, председателя управы, на уме любовь, любовь и любовь... А там, где она так сильно и правдиво сказала, много интереса, много страсти, много того, к чему и читатель, и зритель так склонен, в особенности – женская половина нашего общества. И в театре, на пьесах Чехова, подавляющее большинство – дамы...» [Кривенко 1902: 268].

А вот что писал этот же журнал всего несколькими месяцами ранее: «... Знакомый мне литератор <...> рассказывал, смеясь, по приезду из Москвы, будто на спектакле московского Художественного театра девица-курсистка, спрошенная им, чем ей так нравится пьеса – чуть ли именно не “Три сестры” – ответила: “пьеса показывает, что жизнь нам ничего не даёт, и это, действительно, так”. – Жизнь нам ничего не даёт... Экая дура! а ты бери, сама возьми, как же это она тебе даст? И мне в укор прибавил: “вы этим нытьём, кажется, сами восхищаетесь?”» [Сутугин 1901: 896].

А. Н. Толстой – не дама и не девица-курсистка, но и его тоже, как и многих его современников, волновали эти же вопросы, поднятые Чеховым и вызвавшие отклик у первых зрителей «Трёх сестёр»: волновала любовь, на глазах менявшая свои очертания и уже не похожая ни на тургеневскую, ни на ту, что описывалась в литературе продолжателями тургеневских традиций; волновала жизнь, «ничего не дающая» тем, кто только-только вступал в неё и ещё не умел «взять самому». Если же говорить о «спорных вопросах» между ним и отчимом, А. А. Бостромом, то существо этих вопросов, как нам представляется, также было затронуто в одном из первых откликов на пьесу Чехова. «Когда сёстры, тоскуя, мечтают: “в Москву, в Москву”, – писал С. Сутугин, – то невольно с улыбкой думаешь: при дешёвом-то теперешнем тарифе, коли так хочется туда поехать, отчего бы им в самом деле этого не сделать – сели в вагон и поехали. Само собой, им не съездить туда хочется, а жить там, но когда о каком-либо желании чрезвычайно много говорят, только говорят и ничего для осуществления не делают, то при всей снисходительности невозможно, в конце концов, удержаться от улыбки. Сёстры только говорят о Москве и ничего не делают, чтобы переехать туда не потому, что они ленивы в обыкновенном значении этого слова. Они вовсе не ленивы – как и вообще существует мало ленивых людей, гораздо меньше, чем это кажется, – наоборот, они трудятся, несмотря на то, что труд им причиняет одно страдание. Их бедам сопутствует, как и большинству людских бед, – незнание того, чего они хотят. Немцы очень часто употребляют это выражение – “du weisst nicht was du willst” (ты не знаешь, чего ты хочешь) в ответ на претензии, на жалобы на других и на свою жизнь. Не знать, чего хочешь – это значит: не знать того, что принесёт нам удовлетворение, если мы его достигнем. Или – что то же самое – не знать, какая причина, какое лишение или неудовлетворение какой потребности вызвало у нас желание, которое и является источником мучения, покуда оно не осуществится. Если сёстрам трудно “привыкнуть к отсутствию денщиков”, если одна из них думает, что она хочет поступить в городской телеграф, то это значит, что она не знает, чего хочет. Шестидесятые годы принесли в Россию благородную, но не основательную идею, что во всяком труде есть

непрерывно “поэзия и мысль”. Библейское проклятие человеку – “в поте лица своего добывать свой хлеб” наскоро переделали в благословение. Но это не так просто. Когда достигнуть чего-нибудь мучительно трудно, почти невозможно – поляки говорят: “to trudno” – Ирине, как и всякому, труда, самого труда, конечно, не нужно. Доставляет радость, удовольствие или счастье не труд, а сознание преодоления трудностей, сознание того, что имеешь труд за собой, и то лишь при известных условиях. И тогда мы называем нашу работу уже не трудом, а любимым занятием и делом или игрой. Тот, кто придумал балльную систему для детей, был тонкий психолог, хотя и односторонний. Их легче уверить, что хороший балл есть цель сама по себе, легче символизировать, так сказать, балл, чем объяснить им пользу от учения. Но целью может быть только хороший балл, и потому плохие отметки так мало действуют и никогда не исправляют неуспевающих учеников» [Там же]¹. Другими словами, «спорные вопросы», стоявшие перед юным Толстым и А. А. Бостромом, если следовать мысли С. Сутугина, могли проистекать уже из того простого обстоятельства, что «шестидесятник» Бостром был убеждён в осмысленности мира и истории и целесообразности всего происходящего, Толстой же, формирование которого пришлось на первое десятилетие нового века, не раз и не два убеждался в обратном, а именно – в бессмысленности и нецелесообразности той самой цивилизации, которая совсем скоро будет вынуждена погибнуть, после чего, как скажет Толстой в письме отчиму, написанном осенью 1914 года, – «настанет, наконец, прекрасный век» [Алексей Толстой 1982: 257].

Итак, зачем же потребовался Толстому «чеховский код» в трилогии «Хождение по мукам»?

На наш взгляд, присутствие этого кода позволило автору трилогии максимально коротко и ёмко обобщить то, что было актуально для него в период, предшествующий и совпавший со временем, изображённым в первой её части – романе «Сёстры», период напряжённых исканий и раздумий о собственном прошлом и будущем, о матери и отчине, и наконец – о человеке и о его месте в истории.

¹ Многие годы спустя, в 1940 году, характеризуя тему дореволюционной постановки «Трёх сестёр», А. Н. Толстой обозначил её «как типичное противоречие для русской интеллигенции того времени: высокая мечта о прекрасном и бессилie мечтателей. Отсюда – хрупкость человеческой красоты в столкновении с грубой, животной, мещанской действительностью. Старый спектакль был лирической повестью о прекрасных русских людях, предпочитающих печаль несуществлённой мечты – грубому усилию, которое могло бы устроить их личную судьбу» [А. Н. Толстой 1984: 406–407].

ЛИТЕРАТУРА

- Алексей Толстой и Самара : Из архива писателя. Куйбышев, 1982.
А. Н. Толстой о литературе и искусстве. М. : Советский писатель, 1984. 559 с.
- Андреев И.* Чехов и Самара // Волжская коммуна. 1960. 29 января.
Буланова Елена. Раздумье. Стихотворения. М. : Типография Борисенко и Бреслин, 1901. 212 с.
- Воспоминания об А. П. Чехове С. В. Чеховой. URL: <https://www.proza.ru/2010/03/07/286> (дата обращения: 17.11.2019).
- Клёстов И.* Чехов и Самара // Волжская коммуна. 1954. 15 июля.
Кривенко В. С. «Три сестры» // Театр и искусство. 1902. № 13.
Перепелкин М. А. «Скучная война» и другие сопутствующие обстоятельства : дневник фейерверкера Булгачёва в фондах Самарского литературного музея // Проблемы изучения военной истории : сборник статей Третьей Всероссийской научной конференции с международным участием. Самара : Изд-во «Научно-технический центр», 2015. С. 466-473.
- Переписка А. Н. Толстого. Т. 1. М. : Худож. лит., 1989. 351 с.
- Смирнов (Треплев) А.* Театр душ : Стихи. Критические этюды. Воспоминания. Письма. (Самарский литературный архив. Выпуск 1). Самара : Изд-во «Самарский университет», 2006. 512 с.
- Соболев А.* Чехов и Самара // Волжская заря. 1970. 29 января.
Старочкин Т., Николаев Н. Человек большого сердца // Волжский комсомолец. – 1954. – 14 июля.
- Сутугин С.* «Три сестры» А. П. Чехова // Театр и искусство. 1901. № 49.
Толстой А. Н. Собр. соч. : в 10 т. М. : Худож. лит., 1984. Т. 6. 397 с.
- Шалюгин Г.* Чеховы были мирными людьми. URL: <https://www.proza.ru/2010/03/07/286>. (дата обращения: 17.11.2019).
- Шестаков К.* Чехов и Самарский край // Волжская заря. 1989. 22 марта. № 67.
- ОР ИМЛИ – Отдел рукописей Института мировой литературы им. А. М. Горького
ОРК СОУНБ – Отдел редких книг Самарской областной универсальной научной библиотеки
СЛМ – Самарский литературный музей

REFERENCES

- Aleksey Tolstoy i Samara : Iz arkhiva pisatelya. Kuybyshev, 1982.
A. N. Tolstoy o literature i iskusstve. M. : Sovetskiy pisatel', 1984. 559 s.
Andreev I. Chekhov i Samara // Volzhskaya kommuna. 1960. 29 yanvara.

Bulanina Elena. Razdum'e. Stikhotvoreniya. M. : Tipografiya Borisenko i Breslin, 1901. 212 s.

Vospominaniya ob A. P. Chekhove S. V. Chekhovoy. URL: <https://www.proza.ru/2010/03/07/286> (data obrashcheniya: 17.11.2019).

Klestov I. Chekhov i Samara // Volzhskaya kommuna. 1954. 15 iyulya.

Krivenko V. S. «Tri sestry» // Teatr i iskusstvo. 1902. № 13.

Perepelkin M. A. «Skuchnaya voyna» i drugie soputstvuyushchie obstoitel'stva : dnevnik feyerverkera Bulgacheva v fondakh Samarskogo literaturnogo muzeya // Problemy izucheniya voennoy istorii : sbornik statey Tret'ey Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem. Samara : Izd-vo «Nauchno-tehnicheskij tsentr», 2015. S. 466-473.

Perepiska A. N. Tolstogo. T. 1. M. : Khudozh. lit., 1989. 351 s.

Smirnov (Treplev) A. Teatr dush : Stikhi. Kriticheskie etyudy. Vospominaniya. Pis'ma. (Samarskiy literaturnyy arkhiv. Vypusk 1). Samara : Izd-vo «Samarskiy universitet», 2006. 512 s.

Sobolev A. Chekhov i Samara // Volzhskaya zarya. 1970. 29 yanvarya.

Starochkin T., Nikolaev N. Chelovek bol'shogo serdtsa // Volzhskiy komsomolets. – 1954. – 14 iyulya.

Sutugin S. «Tri sestry» A. P. Chekhova // Teatr i iskusstvo. 1901. № 49.

Tolstoy A. N. Sobr. soch. : v 10 t. M. : Khudozh. lit., 1984. T. 6. 397 s.

Shalyugin G. Chekhovy byli mirnymi lyud'mi. URL: <https://www.proza.ru/2010/03/07/286>. (data obrashcheniya: 17.11.2019).

Shestakov K. Chekhov i Samarskiy kray // Volzhskaya zarya. 1989. 22 marta. № 67.

OR IMLI – Otdel rukopisey Instituta mirovoy literatury im. A. M. Gor'kogo

ORK SOUNB – Otdel redkikh knig Samarskoy oblastnoy universal'noy nauchnoy biblioteki

SLM – Samarskiy literaturnyy muzey